

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПОНЯТИЕ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Г. П. ЩЕДРОВИЦКИЙ (Москва)

1. Хотя в последние 35 лет в психологии много говорят и пишут о деятельности и всячески подчеркивают необходимость рассматривать психику и самого человека в контексте деятельности, вся совокупность психологических представлений, традиционных способов анализа и фиксирующих их предметов изучения прстивостоит «деятельностному» подходу и, по сути дела, исключает реальное применение его.

2. Такое положение дел не должно вызывать удивления. Исходные представления о деятельности и оформляющее их понятие возникли в философии. Главной причиной, заставившей создать это понятие и сконструировать соответствующий ему идеальный объект, была необходимость оправдать в объектно-онтологическом плане соотнесение и связь в мысли таких разнородных предметов, как знания, операции, вещи, цели, мотивы, сознание, знаки, смыслы, значения и т. п. Соответственно этому назначению действительность деятельности, как она вводилась в философии, имела совершенно специфические категориальные характеристики: она выступала как система и полиструктура, обладающая особым многомерным временем, как бессубъективное образование, не принадлежащее человеку, а включающее его в себя, по сути дела — как субстанция особого рода. Лишь постепенно и очень медленно это представление стало распространяться из философии в области разных наук, в том числе — в область психологии, но всюду оно сталкивалось с уже сложившимися представлениями о предметах этих наук, которые никак не примирялись и не согласовались с категориальными определениями философского понятия деятельности. В частности, в психологии ему противопоставляется обыденное, по сути дела чисто морфологическое представление о человеке, который ест, работает и думает, т. е. действует и, следовательно, (как обычно говорят) осуществляет деятельность. Благодаря такой трансформации значений слов деятельность представляется как нечто, присущее отдельному человеку и создаваемое им. Но и дальше, вместо того, чтобы уточнить категориальные характеристики понимаемой так деятельности, психологи, придерживающиеся этих воззрений, подобно Диогену, просто указывают на человека и его поведение, полагая, по-видимому, что этого указания достаточно, чтобы опровергнуть любые конструкции безличной деятельности. Но тогда в последующих теоретических представлениях и обоснованиях содержание понятия деятельности сводится к содержанию понятий «поведение», «действие» и «операция», а само понятие деятельности остается вне психологии и никак не влияет на психологические исследования.

3. Чтобы ввести в психологию понятие деятельности и вместе с тем апробировать его на эмпирическом материале психологии, нужно, во-первых, создать специальные категориальные схемы, объясняющие, каким образом в безличных системах деятельности существует человек и как знания о его свойствах и особенностях могут быть выведены из абстрактных схем деятельности, а, во-вторых, показать, как абстрактные схемы деятельности и связанные с ними понятия могут использоваться в конкретных психологических и психолого-педагогических исследованиях. В докладе оба эти вопроса рассматриваются на материале конкретных исследований.

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ЛОГИЧЕСКИХ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ МЫШЛЕНИЯ В ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Г. П. ЩЕДРОВИЦКИЙ (Москва)

1. К постановке проблемы соотношения логических и психологических методов исследования в психологии привело внутреннее развитие культурно-исторической концепции Л. С. Выготского. После того, как знак был объявлен основным средством, определяющим развитие высших психологических функций человека, естественным и даже необходимым стал вопрос: а как существует этот знак, имеет ли он объективные значения и если да, то что они представляют собой и как могут существовать в культуре. Центр психологических исследований должен был сместиться на выяснение отношений между объективными культурными значениями знаков и субъективными психическими функциями человека.

2. Однако такая постановка вопроса, не только закономерно вытекавшая из сути культурно-исторической концепции, но и прямо сфор-

мулированная Л. С. Выготским, была объявлена его собственными учениками и последователями (П. И. Зинченко, 1939; П. Я. Гальперин, 1959) логической и изменяющей духу и сути психологической науки. Этот тезис был оправдан всей традицией психологии и поэтому встретил общее одобрение. Место культурно-исторической концепции заменила сначала концепция действия (в Харьковской группе учеников Выготского она утвердилась с 1929 г.), а затем концепция деятельности (А. Н. Леонтьев, 1935). Психология вновь стала независимой от логики, но вместе с тем пришлось пожертвовать культурно-исторической концепцией и всеми выставленными ею проблемами.

3. Торжество последовательного психологизма продолжалось недолго. Исследования по «теории умственных действий» (а на первом этапе 1953—1958 гг. эта теория выступала как теория мышления), в особенности исследования процессов формирования арифметических действий сложения и вычитания у детей (В. В. Давыдов, Н. И. Непомнящая), вновь со всей остротой поставили вопрос о соотношении культурно-исторического и психо-онтогенетического в освоении числа и арифметических операций, а вместе с тем — вопрос о соотношении логического и психологического в знаках и деятельности с ними. Дискуссия на I съезде Общества психологов (П. Я. Гальперин, В. В. Давыдов, И. С. Ладенко, Г. П. Щедровицкий) заставила разделить и противопоставить друг другу умственные действия и мышление: последовательный психологизм был вынужден отказаться от претензий на изучение мышления.

4. Другим стимулом к обсуждению проблемы соотношения логического и психологического стали работы Ж. Пиаже, который с конца 30-х годов интенсивно использует аппарат и понятия современной формальной логики. Здесь основной аргумент учеников Л. С. Выготского против концепции Ж. Пиаже по сути дела совпадает с их аргументом против концепции самого Выготского: это не психология, а логика. И, наверное, по отношению к Пиаже он столь же оправдан. Однако диссонанс в теоретическую критику вносится тем, что в своих собственных эмпирических исследованиях критики повторяют основные схемы методики Ж. Пиаже и за счет этого добиваются результатов, а затем приводят явно неадекватные этим схемам толкования и объяснения.

5. Дело усложняется еще тем, что на II съезде психологов (1963) был продемонстрирован широкий цикл экспериментальных логико-педагогических исследований мышления детей, и с тех пор число подобных исследований непрерывно растет. Таким образом, сам факт обращения к поведению ребенка не может служить критерием психологичности. И поэтому мы снова возвращаемся к «проклятому» вопросу: а возможно ли чисто психологическое исследование мышления? И чем больше мы задумываемся над этим, тем больше начинает казаться, что Л. С. Выготский был глубоко прав, когда пытался сломать традицию чистого психологизма и объединить логику, психологию и социологию в исследовании мышления, а его ученики, защищающие традицию и оберегающие психологию от логики, неправы и сильно мешают развитию самой психологии.

ренности (например, заработком, распределением премиальных, сан.-гиг. условиями труда и т. д.) распределились относительно равномерно в обеих группах и поэтому лишены прогностической валидности.

Ввиду отсутствия прямой связи между суждениями людей и их поведением, а также динамичности не только социально-психологической характеристики личности, но и его окружения, проверка прогностической валидности опросов приобретает все большее значение.

СИСТЕМНО-СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В ГРУППАХ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛИЧНОСТИ

Р. Г. НАДЕЖИНА, И. И. ЩЕДРОВИЦКИЙ (Москва)

1. Положение К. Маркса о том, что сущность человека — это совокупность его общественных отношений, широко известно и часто повторяется. Однако, чтобы реализовать его как принцип в социально-психологических исследованиях, нужно еще решить по крайней мере две принципиальные методологические проблемы: 1) научиться раскладывать сложное реальное поведение людей и совокупности взаимоотношений, в которых оно развертывается, на отдельные компоненты, описывать закономерности и механизмы изолированного функционирования и действия этих компонентов, а затем вновь собирать из многих и разнообразных компонентов — теперь уже познанных — сложные системы социальных взаимоотношений и отношений (проблема абстрактного и конкретного); 2) научиться устанавливать соответствия между абстрактно или конкретно представленными системами общественных взаимоотношений и свойствами материала тех элементов (в частности, человека), которые включены в эти взаимоотношения (проблема соответствия функциональной структуры и материальной организованности).

2. Изучая поведение и взаимоотношения детей в игровых группах, мы создали на базе исходных понятий теории деятельности ряд схем для изображения групп и групповой деятельности и разработали процедуру последовательного развертывания этих схем по слоям (или уровням) взаимоотношений их деятельности. Эта процедура позволяет растягивать в иерархизованную структуру — наподобие «шапко кляк» — переплетенные и слившиеся друг с другом взаимоотношения людей и при этом не создает никаких фиктивных и формальных связей, не допускающих интерпретацию на объект (первое требование метода восхождения от абстрактного к конкретному).

3. Использование этих моделей (полученных путем методологического движения, но интерпретируемых на эмпирический материал) позволило различить два типа отношений руководства в группах. Оба они постоянно встречаются в детских играх и оказывают принципиально разное влияние на формирование и развитие личности детей.

4. Как показал специальный анализ, между вторым типом отношений руководства и культурной нормировкой деятельности детей существует отношение дополнительности и взаимной компенсации: появление руководства этого типа избавляет детей от самоорганизации и делает ненужным усвоение нравственных норм поведения и взаимоотношений (авторитарная ориентировка).

5. Послойное описание систем социальных отношений является необходимым условием всякого социально-психологического исследова-

ния, ориентированного, в конечном счете на практические задачи и теоретические проблемы воспитания. Однако оно не дает еще средств для решения второй проблемы — определения механизмов воздействия социальных отношений на личность человека. Поэтому исследование и классификация самих социальных отношений с точки зрения возможных механизмов влияния на личность человека должны составить одно из важнейших направлений будущих социально-психологических исследований.

УСПЕВАЕМОСТЬ И ПОДЧИНЕНИЕ МНЕНИЮ ГРУППЫ

Д. О. ОГАНЕСЯН, А. А. ОВАКИМЯН (Ереван)

1. Наше экспериментальное исследование посвящено изучению воздействия фактора успеваемости ученической группы на поведение индивида. Для выяснения этого мы пользовались методом подставной группы. Опыты проводились с учащимися V, VI, VII классов. Материалом для опытов служило восприятие тяжестей. Заранее определялся порог различения тяжести у каждого испытуемого. Имелись три типа подставных групп из учащихся одного и того же класса, отличающихся друг от друга успеваемостью: группа с высокой успеваемостью, куда входили хорошо и отлично успевающие учащиеся; группа с низкой успеваемостью, составленная из слабо успевающих; смешанная группа, куда поровну входили хорошо и слабо успевающие учащиеся. В качестве испытуемых выбирались учащиеся с разной успеваемостью. Один и тот же ученик испытывался во всех вышеупомянутых трех группах.

2. Предварительные результаты наших исследований следующие: а) у учащихся всех классов наблюдается подчинение мнению группы, однако оно выражается по-разному, в зависимости от соотношения успеваемости учащегося и всей группы;

б) больше всего поддаются влиянию слабо успевающие, причем это ярко выражается при высокой успеваемости группы или ее комплектовании поровну хорошо успевающими и неуспевающими учащимися;

в) ответ одного и того же учащегося меняется в зависимости от качественных особенностей успеваемости группы. Однако имеет место также совпадение ответов;

г) замечаются некоторые возрастные особенности в подчинении мнению группы. В наибольшей степени это подчинение выражается у семиклассников.

3. Факт подчинения доказывает, что в организации поведения существен источник информации. Она способствует налаживанию взаимоотношений учащихся, влияет на их личность и ориентацию действий. Опыты выявляют условия, в которых осуществляется или не осуществляется самостоятельное поведение.

О СВОЙСТВАХ МАССОВЫХ СОСТОЯНИЙ

Ю. Е. СОСНОВИКОВА (Арзамас)

Социологами выделен ряд свойств, присущих состояниям больших групп людей — их массовидность, заразительность, большая политическая и социальная значимость, индикативность тенденции общественного развития (Кузьмин, Колбановский, Мансуров, Парыгин, Платонов, Поршнева, Прангишвили).